

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ
ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 117 СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РА НА ОСНОВАНИИ
ОБРАЩЕНИЯ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ
ШИРАКСКОГО МАРЗА РА

г. Ереван

14 января 2025 г.

Конституционный Суд в составе А. Диланяна (председательствующий), Г. Товмасына, Д. Хачатуряна, Е. Хундкаряна, О. Овакимяна, Э. Шатирына, С. Сафарян, А. Вагаршяна, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – суда первой инстанции общей юрисдикции Ширакского марза, привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания М. Степанян,

согласно пункту 1 статьи 168, части 4 статьи 169 Конституции, а также статьям 22, 40 и 71 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции части 1 статьи 117 Семейного кодекса РА на основании обращения суда первой инстанции общей юрисдикции Ширакского марза РА”.

Семейный кодекс Республики Армения (далее также – Кодекс) принят Национальным Собранием 9 ноября 2004 года, подписан Президентом Республики 8 декабря 2004 года и вступил в силу 19 апреля 2005 года.

Часть 1 статьи 117 Кодекса, озаглавленной “*Разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребенком*”, устанавливает:

“Разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым должна быть не менее 18 лет и не более 50 лет, за исключением случаев, когда ребенок усыновляется лицами, имеющими преимущественное право на усыновление”.

Оспариваемое положение в приведенной редакции изложено в Законе от 21.12.2017 г. ЗР-10-Н.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 26 июля 2024 года обращение суда первой инстанции общей юрисдикции Ширакского марза РА, представленное на основании вынесенного тем же судом по гражданскому делу номер ШД/6930/02/22 решения от 24 июля 2024 года “Об обращении в Конституционный Суд и приостановлении производства по гражданскому делу”.

Изучив обращение, письменное объяснение Ответчика, имеющиеся в деле другие документы, проанализировав оспариваемые и относимые правовые положения, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Позиции заявителя

Суд первой инстанции общей юрисдикции Ширакского марза (далее также – Суд или Заявитель), в частности, констатирует: “(...) разница в возрасте второго заявителя по находящемуся в его производстве делу и усыновляемого ребенка (...) [превышает 50 лет], и наличие этого факта при применении пункта 1 статьи 117 Семейного кодекса РА исключает возможность усыновления, причем **в таких условиях Суд более не может сделать предметом рассмотрения наилучшие интересы усыновляемого ребенка,** учитывая, что раскрытие этого факта никаких других последствий вызвать не может”.

Заявитель считает, что “часть 1 статьи 117 Семейного кодекса РА **постольку, поскольку она не дает суду (компетентному органу) возможность выявить и оценить наилучшие интересы ребенка по конкретному делу и при наличии исключительных оснований не применять ограничение максимального порога разницы в возрасте между усыновителем и усыновляемым “не более 50 лет”,** проблематична с точки зрения конституционного принципа уделения приоритетного внимания интересам ребенка в касающихся ребенка вопросах (...)”.

Ссылаясь на соответствующие положения Кодекса, Гражданского процессуального кодекса РА и Закона “О нормативных правовых актах”, Заявитель приходит к выводу, что “(...) статья 117 Семейного кодекса РА не может быть истолкована иначе, чем буквальное значение содержащихся в ней слов и фраз, а именно, когда фактами дела подтверждается, что разница в возрасте между усыновителем (в случае супругов – хотя бы одного из них) и

усыновляемым превышает 50 лет и нет установленных той же статьей исключений, то есть необходимость определения наилучших интересов ребенка отпадает и заявление об усыновлении подлежит отклонению или, что одно и то же, ***суды не могут не применить максимальный порог разницы в возрасте, что обусловлено наилучшим интересом ребенка***”.

В связи с этим Заявитель поднимает вопрос соответствия оспариваемой нормы Кодекса части 2 статьи 37 Конституции.

Ссылаясь в связи с наилучшими интересами ребенка на соответствующие положения Конвенции о правах ребенка Организации Объединенных Наций (далее также – ООН) 1989 г. (для Республики Армения вступила в силу 22 июля 1993 г.), на относимые правовые позиции Конституционного Суда, Кассационного суда и Европейского суда по правам человека, Заявитель констатирует: “(...) ребенок имеет право на выявление его наилучших интересов и предоставление им первоочередной важности, и в ходе принятия касающегося ребенка решения должно быть раскрыто возможное влияние этого решения на права и интересы ребенка”.

Заявитель считает, что **“разница в возрасте (речь идет о максимальном пороге разницы в возрасте) может быть основанием для отклонения заявления об усыновлении, в то же время влияние разницы в возрасте должно стать предметом рассмотрения в контексте оценки и сопоставления с другими заслуживающими внимания обстоятельствами относительно интересов ребенка, однако возможность реализации этого исключена оспариваемой нормой”**.

Заявитель добавляет, что международными документами установлены критерии относительно минимального возраста усыновителя, однако такой критерий не установлен применительно к максимальному возрасту: например, пересмотренная Европейская конвенция “Об усыновлении детей” гласит, что между усыновителем и ребенком должна быть надлежащая разница в возрасте и, учитывая интересы ребенка, желательно, чтобы она была не менее 16 лет. Упомянутая Конвенция не устанавливает максимальную разницу в возрасте и даже в случае минимального порога разницы в возрасте предусматривает возможность отклонения от этого правила в силу исключительных обстоятельств.

Заявитель приходит к выводу, что часть 1 статьи 117 Кодекса постольку, поскольку не предоставляет возможность выявить и оценить наилучшие интересы ребенка по конкретному делу и при наличии исключительных оснований не применять ограничение разницы в возрасте между усыновителем и усыновляемым “не более 50 лет”, является проблематичной с точки зрения конституционного принципа уделения приоритетного внимания интересам ребенка в касающихся ребенка вопросах.

2. Позиции ответчика

Национальное Собрание (далее также – Ответчик), ссылаясь на статьи 36 и 37 Конституции, относимые положения Конвенции “О правах ребенка”, приводя установленные оспариваемым положением Кодекса и другие соответствующие правовые регулирования, относимые правовые позиции Кассационного суда и Европейского суда по правам человека, в частности, отмечает: “В ряде случаев законодатель, исходя из наилучших интересов ребенка, предоставил судам возможность отступить от установленного законом правила, указав это в соответствующей норме, **при этом конкретизация порядка выбора приемного родителя должна обеспечить разумную уверенность в том, что выбран приемный родитель, обладающий достаточными способностями и возможностями для заботы о воспитании, здоровье, полноценном и гармоничном развитии ребенка.** Пожилые родители в воспитании детей сталкиваются с возникающими со временем трудностями, которые в момент усыновления могут не представлять собой проблему, однако со временем могут стать препятствием в вопросе ухода за ребенком и его развития. Следовательно, суд на данный момент практически не может правильно оценить наилучшие интересы ребенка – объективно предвидеть долгосрочные вызовы”.

Ответчик также отмечает: “Нормы, устанавливающие максимальный возрастной порог для приемных родителей, имеют цель обеспечить, чтобы усыновление исходило из наилучших интересов ребенка. Усыновление – это пожизненное обязательство. Возрастные ограничения гарантируют, что приемные родители будут иметь зрелость и соответствующий опыт, необходимый для обеспечения стабильной окружающей среды для развития ребенка. Более молодые или более пожилые родители могут столкнуться с разными вызовами, которые могут повлиять на их способность удовлетворять потребности

ребенка. Возрастные ограничения помогают сбалансировать эти факторы, позволяя приемным родителям в долгосрочной перспективе физически удовлетворять необходимые для развития ребенка жизненные потребности, то есть иметь возможность планировать будущее ребенка, обеспечить его образование, оказать эмоциональную поддержку. Возрастные ограничения решают также ряд социальных проблем, а именно: пожилые родители приближаются к пенсионному возрасту, что может осложнить планирование доходов, надлежащее удовлетворение потребностей детей”.

По мнению Ответчика, “установление (максимального) возрастного порога помогает создать последовательный стандарт для оценки всех будущих приемных родителей. Это гарантирует, чтобы решения были основаны на объективных критериях, а не на индивидуализированных суждениях суда о личных способностях усыновителя в конкретной ситуации, руководствуясь исключительно наилучшими интересами ребенка. Поскольку суды на практике не могут предсказать в долгосрочной перспективе обусловленные возрастом физиологические изменения приемного родителя и сделать их предметом оценки, следовательно, также должным образом оценить наилучшие интересы ребенка. Кроме того, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что подлежащие оценке вопросы носят не столько правовой, сколько социальный характер, и они могут наступить в течение определенного периода времени. Поэтому осуществить рациональную оценку этих обстоятельств в конкретный период времени нереально”.

Ответчик констатирует, что установление возрастного порога основано на объективных и разумных критериях, преследуя цель достичь законной цели – обеспечить баланс наилучших интересов ребенка и физических и умственных способностей усыновителя, эффективное осуществление родительских прав для обеспечения потребностей ребенка на различных этапах его развития, что должно исключить индивидуализированные суждения суда, учитывая высокий риск возникновения возможных препятствий в долгосрочной перспективе (решения относительно возрастных ограничений часто основываются на научных доказательствах, медицинской экспертизе).

Учитывая вышеизложенное, Ответчик утверждает, что “возрастное ограничение обосновано, оно преследует исключительно цель обеспечить наилучшие интересы ребенка и вытекает из принципов обеспечения определенных социальных гарантий”.

3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Для определения соответствия Конституции оспариваемого положения Кодекса Конституционный Суд считает необходимым обратиться, в частности, к следующим вопросам:

- Относится ли предусмотренное частью 1 статьи 117 Кодекса требование к гарантированному Конституцией праву ребенка на уделение первоочередного внимания его интересам в касающихся его вопросах, и, если да, то подлежит ли указанное право какому-либо вмешательству (ограничению), а также является ли оспариваемое законодательное регулирование конституционным с точки зрения обеспечения наилучших интересов ребенка?

4. Правовые позиции Конституционного Суда

4.1. Согласно статье 37 Конституции, озаглавленной *“Права ребенка”*:

“1. Ребенок имеет право свободно выражать свое мнение, которое в соответствии с возрастом и уровнем зрелости ребенка учитывается в касающихся его вопросах.

2. В вопросах, касающихся ребенка, интересам ребенка должно быть уделено первоочередное внимание.

3. Каждый ребенок имеет право на сохранение нормальных личных взаимоотношений и непосредственное общение со своими родителями, за исключением случая, когда это, согласно решению суда, противоречит интересам ребенка. Подробности устанавливаются законом.

4. Дети, оставшиеся без родительского попечения, находятся под опекой и защитой государства”.

Согласно статье 3 Конституции, озаглавленной *“Человек, его достоинство, основные права и свободы”*:

“1. В Республике Армения человек – высшая ценность. Неотчуждаемое достоинство человека – неотъемлемая основа его прав и свобод.

2. Уважение и защита основных прав и свобод человека и гражданина – обязанности публичной власти.

3. Публичная власть ограничена основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом”.

Таким образом, взяв права ребенка под высокую конституционную защиту, Учредитель Конституции закрепил также конституционные гарантии обеспечения этих прав, которые имеют основополагающее значение и в аспекте законодательства, регулирующего права и законные интересы ребенка, и в аспекте развития правоприменительной практики созвучно Конституции, в частности:

1) *право ребенка свободно выражать свое мнение, которое в соответствии с возрастом и уровнем зрелости ребенка должно безоговорочно учитываться в касающихся его вопросах.* Это регулирование придает ключевое значение признанию важности волеизъявления ребенка в вопросах семейного права, способствуя повышению его роли в семье и обществе, в конечном итоге создавая благоприятную среду для физического, умственного и социального развития ребенка;

2) *право ребенка на сохранение нормальных личных взаимоотношений и непосредственное общение со своими родителями,* в качестве исключения устанавливая случаи, когда это, согласно решению суда, противоречит интересам ребенка;

3) *нахождение ребенка, оставшегося без родительского попечения, под опекой и защитой государства,* что предполагает неоспоримое обязательство публичной власти рассматривать нахождение каждого ребенка, оставшегося без родительского попечения, под своей опекой и защитой;

4) *предусловие уделения первоочередного внимания интересам ребенка в касающихся его вопросах,* которое приобретает основополагающее значение в аспекте гарантирования прав ребенка, учитывая его ключевую роль в вопросе формирования культуры уважения, поощрения прав ребенка. Признание и неуклонное применение конституционного принципа гарантирования интересов ребенка обеспечивает уделение в касающихся ребенка вопросах первоочередного внимания его интересам – в ходе вынесения соответствующих решений.

В Постановлении Конституционного Суда от 20 декабря 2016 года ПКС-1333 констатировано: “(...) Часть 2 статьи 37 Конституции РА возлагает на публичную власть четкую обязанность уделять первоочередное внимание интересам ребенка в касающихся его вопросах. Следовательно, цель Учредителя Конституции – при наличии различных интересов в вопросах, касающихся ребенка, в первую очередь защищать интересы ребенка,

а затем - другие существующие интересы, а в случае конфликта этих интересов публичная власть обязана защищать интересы ребенка.

(...)

Согласно части 3 статьи 3 Конституции РА положения статьи 37, в частности частей 1 и 2, действуют непосредственно, и судебная практика обязана руководствоваться этим требованием” (пункт 7).

На основании вышеизложенных положений Конституции и приведенных правовых позиций Конституционного Суда Конституционный Суд констатирует, что установленное частью 2 статьи 37 Конституции **право ребенка на уделение первоочередного внимания его интересам в касающихся его вопросах верховенствует над всеми остальными возможными интересами**, и не может быть никаких прав, при реализации которых указанное право ребенка может быть подвергнуто ограничению. Конституционный Суд также считает необходимым констатировать, что другие субъекты-участники соответствующих правоотношений, в данном случае лица, выразившие желание усыновить, в процессе усыновления не имеют никакого субъективного права, которое не исходит из указанных интересов ребенка, или никаких обязанностей, не соответствующих этим интересам.

Публичная власть также, будучи обязана уважать и защищать права ребенка, в частности, предусмотренное частью 2 статьи 37 Конституции право, обязана не только в качестве негативного обязательства воздерживаться от действий, ставящих под угрозу реализацию основных прав как непосредственно действующего права, но и в качестве позитивного обязательства обеспечивать их эффективную реализацию посредством предусмотрения соответствующих регулирований, а до этого, а именно при отсутствии регулирований, обеспечивать **непосредственную реализацию** этих прав путем раскрытия их содержания применительно к конкретному случаю и вынесения в результате этого **подлежащих обязательному исполнению** актов.

На основании всего вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что оспариваемым регулированием законодатель преследовал цель **не ограничить право ребенка на уделение первоочередного внимания его интересам в касающихся его вопросах, а урегулировать реализацию этого права, исходя из наилучших интересов ребенка.**

4.2. Изучив обращение и другие материалы дела, Конституционный Суд констатирует, что в целях обеспечения права ребенка на *уделение первоочередного внимания его интересам в касающихся его вопросах* законодатель в рамках регулирования правоотношений по усыновлению для усыновления лицом, не обладающим преимущественным правом на усыновление, установил запрет на усыновление на основании максимальной разницы в возрасте, который **препятствует усыновлению ребенка лицом, желающим усыновить, независимо от любого другого обстоятельства дела.**

Конституционный Суд констатирует, что указанное регулирование предусмотрено Кодексом, который соответствует качественным характеристикам закона. В частности, оспариваемое положение является доступным и определенным, причем сформулировано как абсолютная (не предусматривающая оговорок) запрещающая норма, исключая после установления факта закрепленной законом максимальной разницы в возрасте возможность оценки относимости любого другого факта и любого судебного толкования содержания оспариваемой нормы. В свете этого Конституционный Суд выражает свое согласие с утверждением Заявителя о том, что Заявитель по настоящему делу “не может на основании судебного толкования преодолеть обоснованное сомнение в противоречии подлежащей применению нормы Конституции”.

Конституционный Суд считает необходимым отметить, что согласен с представленными Ответчиком подтверждающими правомерность целей оспариваемой нормы позициями, изложенными в пункте 2 настоящего Постановления. Не повторяя их, Конституционный Суд, однако, считает важным подчеркнуть два обстоятельства:

1. Опасения или риски, лежащие в основе указанных Ответчиком целей, хотя и объективно обоснованы, тем не менее имеют прогнозирующий, предполагающий и приблизительный характер, основаны на беспокойстве по поводу таких опасностей, которые **могут, как правило, возникнуть** в случае превышения максимального порога разницы в возрасте между приемными родителями и усыновленным ребенком, причем законодатель эти риски предполагает (презумпирует) исключительно в случае лиц, которые не имеют преимущественного права на усыновление;

2. Суд лишен полномочия оценки вероятности (реальности) материализации этих опасностей в каждом конкретном случае, в результате - возможности изучать и констатировать *факт*, что по данному делу вышеуказанная возможность является реальной.

Иными словами, Конституционный Суд отмечает, что наряду с тем, что законодатель при принятии оспариваемой нормы преследовал правомерные цели, в основу ее принятия была положена основанная на разумных вероятностях, однако не подлежащая проверке судебным познанием презумпция. С другой стороны, Конституционный Суд считает, что посредством рассматриваемого запрета законодатель сделал попытку предусмотреть наиболее эффективное регулирование, обеспечивающее реализацию наилучших интересов ребенка.

4.3. Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть, **соответствует ли** оспариваемый способ рассеивания правомерных опасений, лежащих в основе оспариваемого регулирования рассматриваемого права ребенка, в виде установления не предусматривающего оговорок запрета на усыновление **части 2 статьи 37 Конституции с той точки зрения, что ребенок лишается возможности, чтобы все обстоятельства по кающемуся его конкретному делу были оценены судом.** Иными словами, **соответствует ли наилучшим интересам ребенка регулирование, в основе которого лежит оценка в каждом конкретном случае предвиденной законодателем вероятности возникновения для ребенка вследствие усыновления негативных последствий в качестве факта или уже имеющей место реальности, лишая суды возможности оценки неизбежности материализации такой вероятности по кающемуся ребенка конкретному делу.**

В Постановлении Конституционного Суда от 5 октября 2010 г. ПКС-919 констатировано: “В данном случае речь идет об употребленном в части 3 статьи 53 Семейного кодекса РА понятии “интересы детей” и раскрытии содержания его характерных признаков. Причем указанное понятие подлежит **оценке в каждом конкретном случае,** исходя из сопоставительного анализа всех фактических обстоятельств по данному делу.

(...)

Условия, перечисленные в части 3 статьи 53 Семейного кодекса РА после словосочетания “при этом”, обязывают суды при оценке интересов ребенка принимать за

основу эти условия, а также, руководствуясь своими дискреционными полномочиями, **принимать за основу также иные условия, если по оценке суда таковые имеются” (пункт 6).**

Таким образом, конституционное признание и закрепление прав ребенка является действенной гарантией обеспечения его правовой защиты, благополучия, реализации права быть услышанным и поддержания регулярных личных взаимоотношений и непосредственных контактов с родителями, эффективное осуществление и защита которой зависят от соответствующего обязательства государства, от чего и напрямую зависит преодоление разрыва между конституционными ценностями и переживаемыми ребенком реалиями.

Принцип гарантирования “(наилучших) интересов ребенка” закреплен также в ряде международно-правовых документов. В частности, согласно первому абзацу статьи 3 Конвенции “*О правах ребенка*” “**во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка**”, а согласно второму абзацу “государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, **и с этой целью принимают все соответствующие законодательные и административные меры**”. Согласно первому абзацу статьи 18 указанной Конвенции “(...) Родители или в соответствующих случаях законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы”.

Комитет по правам ребенка Организации Объединенных Наций в Замечании общего порядка от 29 мая 2013 года № 14 (2013) “О праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3)”, особо обращаясь к обеспечению наилучших интересов ребенка, отметил, что понятие “наилучшие интересы ребенка” состоит из следующих элементов:

А. Материальное право. Ребенок имеет право на то, чтобы его наилучшие интересы оценивались и принимались во внимание во всех касающихся его действиях и решениях.

Более того, это право является приоритетным в аспекте уделения первоочередного внимания. Первый абзац статьи 3 Конвенции ООН “О правах ребенка” 1989 года устанавливает внутреннее обязательство для государств-участников, которое является нормой непосредственного применения и на него можно ссылаться в судах.

Б. *Основополагающий толковательный правовой принцип.* Если возможны разные толкования того или иного юридического положения, следует опираться на то толкование, которое наиболее эффективным образом отвечает наилучшим интересам ребенка.

В. *Правило процедуры.* **Когда предстоит принятие решения, затрагивающего конкретного ребенка, определенную группу детей или детей в целом, процесс принятия решения должен включать в себя оценку возможного воздействия (позитивного или негативного) данного решения на соответствующего ребенка или соответствующих детей.** Для оценки и определения наилучших интересов ребенка требуются процессуальные гарантии. Кроме того, **при обосновании решения необходимо продемонстрировать факт однозначного учета данного права.** В этой связи государства-участники должны пояснить, **каким образом принятое решение обеспечивает реализацию этого права, т.е. что именно было признано соответствующим наилучшим интересам ребенка, какие критерии были положены в его основу, а также какая значимость придана интересам ребенка по сравнению с другими соображениями** (Введение, А. Наилучшие интересы ребенка: право, принцип и правило процедуры, пункт 6)¹.

Комитет по правам ребенка Организации Объединенных Наций в том же документе (пункт 10) констатировал также, что все государства-участники обязаны гарантировать, чтобы наилучшие интересы ребенка учитывались в первоочередном порядке при вынесении решений в отношении него как судебными, административными органами, так и в праворегулирующем процессе, в частности на всех этапах принятия законов, политических мер, стратегий, программ, бюджетов, законодательных и бюджетных инициатив и руководящих положений, а также в ходе любых мер по их осуществлению.

¹ General comment No. 14 (2013) on the right of the child to have his or her best interests taken as a primary consideration (art. 3, para. 1), принят Комитетом по правам ребенка на 62-ом заседании Комитета (на заседании с 1 января по 14 февраля 2013 года), <https://www.refworld.org/legal/general/crc/2013/en/95780>

В Преамбуле Европейской конвенции *“Об осуществлении прав детей”* 1996 года закреплено, что государства-участники признают значение роли родителей в процессе защиты и обеспечения прав и интересов детей и считают, что государства в случае необходимости, также должны участвовать в такой защите. Согласно статье 6 той же Конвенции в процессе судопроизводства, затрагивающего интересы ребенка, орган судебной власти, прежде чем принять решение, должен проверить, **располагает ли он достаточной информацией, чтобы принять решение в интересах ребенка, и в случае необходимости получить дополнительную информацию**, в частности от носителей родительской ответственности (абзац “а”), а согласно статье 8 **в процессе судопроизводства, затрагивающего интересы ребенка, орган судебной власти в установленных внутренним законодательством случаях имеет полномочия производить действия по собственной инициативе, если благополучию ребенка угрожает серьезная опасность.**

Обращаясь к понятию “наилучшие интересы ребенка”, Европейский суд по правам человека выразил правовую позицию о том, что наилучшие интересы ребенка не могут быть определены посредством правовых суждений общего характера и **зависят от обстоятельств каждого конкретного дела**, принимая за основу приоритет интересов ребенка (Schneider v. Germany, Application no. 17080/07, 15.09.2011, FINAL 15.12.2011, §100).

Рассматривая отношения между ребенком и родителями, Европейский суд по правам человека констатировал, что статья 8 Конвенции “О защите прав человека и основных свобод” требует, чтобы внутригосударственные власти установили справедливый баланс между интересами ребенка и родителей, уделяя в этом процессе особое внимание наилучшим интересам ребенка, которые, в зависимости от их характера и серьезности, могут преобладать над интересами родителей (Rytchenko v. Russia, Application no. 22266/04, 20.01.2011, FINAL 20.04.2011, §39).

Таким образом, принцип гарантирования (наилучших) интересов ребенка на международном и конституционном уровнях служит в качестве ориентировочного критерия вынесения решений в отношении детей, который превосходит культурные, правовые и политические границы, гарантируя, чтобы права детей, их благополучие, обеспечение полноценного и гармоничного развития всегда учитывались в первую очередь.

4.4. Созвучно вышеупомянутым принципам и регулированиям законодатель на основе международно признанной конституционной идеи защиты прав ребенка и верховенства его наилучших интересов установил соответствующие регулирования.

Второе предложение статьи 1 Закона “О правах ребенка” закрепляет, что ребенок находится под покровительством и защитой государства и общества. Согласно части 1 статьи 8 того же Закона каждый ребенок имеет право на жизненные условия, необходимые для полноценного физического, умственного и духовного развития.

Согласно части 7 статьи 1 Кодекса, озаглавленной “*Основные принципы семейного законодательства*”, “любое действие, осуществляемое в отношении ребенка, должно исходить из его наилучших интересов. Обеспечение наилучших интересов ребенка направлено на эффективное и полноценное осуществление прав ребенка, закрепленных в Конституции и законах Республики Армения, а также на развитие ребенка с учетом его умственных и физических потребностей, возможности соответствующего ухода и воспитания для удовлетворения этих потребностей, важности возвращения в семью или проживания с семьей, важности общения с родителями и другими членами семьи для развития ребенка, вопроса национальной принадлежности, культурных, языковых, духовных или религиозных связей ребенка или его воспитания и значимости в семейной среде и других нужд, требований и интересов (далее – “наилучшие интересы ребенка”)”. Согласно части 8 упомянутой статьи Кодекса “если какая-либо норма может применяться по-разному, то при ее применении в первую очередь учитываются наилучшие интересы ребенка”.

В соответствии с первым предложением части 1 статьи 43 Кодекса ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов.

В контексте вышеизложенного Конституционный Суд подчеркивает, что государство, обязуясь в Конституции гарантировать права ребенка, должно создавать соответствующие предпосылки для стабильного развития ребенка, обеспечивая применение принципа гарантирования “*наилучших интересов ребенка*” во всех касающихся его действиях и принимаемых решениях, в том числе в процессах реализации права на усыновление, придавая важность праву ребенка, оставшегося без попечения родителей, жить и воспитываться в семье, поскольку наличие здоровой семейной среды имеет ключевое значение в жизни ребенка – в вопросе его

физического, эмоционального, социального и всестороннего интеллектуального развития.

Законодатель, выразив свою беспрекословную приверженность верховенству прав ребенка, в Кодексе закрепил также правовые регулирования относительно усыновления детей, *рассматривая усыновление как предпочтительную форму организации ухода и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.*

Глава 18 Кодекса, озаглавленная “Усыновление (удочерение) детей”, касается общего правового регулирования связанных с усыновлением отношений – подлежащих усыновлению детей, порядка и условий их усыновления, учета подлежащих усыновлению детей и лиц, желающих усыновить детей, имеющих право на усыновление лиц и других вопросов.

Согласно первому абзацу части 1 статьи 112 Кодекса усыновление – судебный акт, посредством которого усыновляемый приобретает равноценные биологическим связям семейные связи, благодаря которым усыновители и усыновленные приобретают права и обязанности, предусмотренные законом для родителей и детей. Усыновление осуществляется исходя из наилучших интересов ребенка, на основании оценки установленных Правительством критериев сопоставимости усыновителя и усыновляемого.

В связи с этим Конституционный Суд отмечает, что **принцип гарантирования наилучших интересов ребенка является ключевым в процессе усыновления**, следовательно, правовые положения, устанавливающие связанные с усыновлением процедуры, четкие критерии и порядок отбора усыновителей, должны преследовать цель обеспечить, чтобы **процесс усыновления служил наилучшим интересам ребенка и обеспечил постоянную, полную, стабильную семейную среду и связи**, которые позволят ребенку расти в здоровой и безопасной среде с родителями, имеющими навыки и способности быть родителями. **При принятии любого решения, связанного с усыновлением, и в законодательной, и в правоприменительной деятельности приоритет отдается претворению в жизнь возможностей обеспечения полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития ребенка, учитывая возможное влияние усыновления на будущее ребенка.**

4.5. В контексте вышеизложенного обращаясь к спорному правовому регулированию, Конституционный Суд констатирует:

Согласно части 1 статьи 117 Кодекса разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым должна быть не менее 18 лет и **не более 50 лет**, за исключением случаев усыновления ребенка лицами, имеющими преимущественное право на усыновление.

Оспариваемое положение, по существу, устанавливает **минимальную и максимальную разницу в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребенком. В связи с разницей в возрасте предусмотрено исключение только для лиц, имеющих преимущественное право на усыновление ребенка.**

Установление законодателем максимальной разницы в возрасте между усыновителем и усыновляемым, которая является предметом рассмотрения по настоящему делу, имеет цель *установить и укрепить связь между ребенком и выразившим желание усыновить лицом*, учитывая то обстоятельство, что **очевидно максимальная разница в возрасте действительно может помешать формированию психоэмоциональной связи ребенок-родитель**. В таких условиях, исходя из этических соображений и общественных ценностей, уровня жизни, здоровья, показателя смертности населения, а также последствий позднего воспитания детей и его возможного влияния на физическое, эмоциональное и психологическое развитие детей, законодателем установлены минимальный возрастной порог для лиц, желающих усыновить детей, а также являющийся предметом рассмотрения по настоящему делу максимальный возрастной порог.

Учитывая вышеизложенное, Конституционный Суд считает необходимым обратить внимание на то, что помимо применения инструментария преодоления максимального порога разницы в возрасте, государством на законодательном уровне установлены такие действенные процедуры усыновления, при наличии которых некоторые опасения, лежащие в основе рассматриваемого запрета, могут рассеяться. В упомянутом инструментарии ключевое значение имеет **круг лиц, имеющих право на усыновление**. Согласно части 1 статьи 116 Кодекса право на усыновление имеет совершеннолетнее лицо, состоящее на учете как желающее усыновить ребенка в установленном Правительством порядке, которое прошло подготовительные курсы, предусмотренные частью 4 указанной статьи. Упомянутое положение Кодекса устанавливает также круг лиц, которые не имеют право на усыновление:

- а) лица, признанные судом недееспособными или ограниченно дееспособными;

б) супруги, один из которых признан судом недееспособным или ограниченно дееспособным;

в) лица, лишенные родительских прав или ограниченные в родительских правах в судебном порядке;

г) лица, отстраненные от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее исполнение возложенных на них законом обязанностей;

д) бывшие усыновители, если усыновление отменено судом по их вине;

е) лица, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять родительские права;

ж) лица, которые на момент усыновления не имеют дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум;

з) лица, не имеющие постоянного места жительства, а также жилого помещения, соответствующего установленным санитарным и техническим требованиям;

и) лица, имеющие на момент усыновления судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление против человека или против общественного порядка и нравственности.

Согласно части 4 той же статьи Кодекса “с целью оказания психологического, педагогического и правового содействия лицу, желающему усыновить ребенка, уполномоченный Правительством Республики Армения орган государственного управления проводит бесплатные подготовительные курсы”.

Помимо этого, согласно первому абзацу части 2 статьи 113 Кодекса для усыновления ребенка гражданином Республики Армения необходимо заключение *марзпетарана (Ереванского городского муниципалитета) Республики Армения* об обоснованности усыновления и соответствии усыновления интересам усыновляемого ребенка с указанием сведений о факте личного общения между усыновляемым ребенком и усыновителем (усыновителями), а в случае усыновления *ребенка Республики Армения иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также гражданами Республики Армения, проживающими за пределами Республики Армения*, - заключение *центрального органа* об обоснованности усыновления и соответствии этого усыновления интересам усыновляемого ребенка. Более того, **исключительным правомочием установления усыновления наделен суд, что имеет фундаментальное значение в аспекте гарантирования законности настоящего процесса.**

Изложенное дает основание прийти к заключению о том, что претворение в жизнь института усыновления в свете первоочередного гарантирования наилучших интересов ребенка находится и должно **постоянно** находиться в центре внимания государства.

4.6. На основании вышеизложенного Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что предусмотренный оспариваемой нормой **не допускающий какое-либо исключение для усыновления запрет, обусловленный максимальным порогом разницы в возрасте, лишает правоприменителя любой возможности учитывать все обстоятельства по каждому конкретному делу, иными словами, оценивать их как имеющие правовое значение факты и выводить из них правовые последствия.** Учитывая то, что указанные обстоятельства могут содержать **факты относительно** права ребенка на первоочередное внимание к его интересам в затрагивающих его вопросах, исключение законодателем изначально их относимости для вынесения судебного акта хотя и основано на стремлении выразить наилучшие интересы ребенка, однако отрицает другую возможность, в том числе возможность учитывать обстоятельства, отражающие наилучшие интересы ребенка.

Помимо этого, указанный запрет, направленный на то, чтобы развеять упомянутые опасения, по отношению к уже законодательно установленным механизмам имеет самостоятельный характер, то есть распространяется на тех лиц, которые при отсутствии этого запрета имеют право на усыновление. По убеждению Конституционного Суда, упомянутое вызывает обеспокоенность с точки зрения оправданности принимаемых для достижения правовой цели мер в том аспекте, что некоторые опасения, лежащие в основе запрета на усыновление на основании максимальной разницы в возрасте, должны быть развеяны в рамках регулирований статьи 116 Кодекса, согласно которым право на усыновление, в числе прочих, не имеют те лица, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять родительские права.

Помимо этого, в отличие от вышеупомянутой позиции Комитета по правам ребенка Организации Объединенных Наций о том, что **“каждый раз, когда предстоит принятие решения, затрагивающего конкретного ребенка, (...) процесс принятия решения должен включать в себя оценку возможного воздействия (позитивного или негативного) данного решения на соответствующего ребенка (...)”**, регулирование

оспариваемого положения также лишает Суд возможности оценить перспективы положительного влияния приводящего к допущению усыновления решения, заставляя Суд в каждом случае в своем судебном акте, отказывающем в усыновлении, отражать исключительно обеспокоенность законодателя в связи с возникновением возможных исключительно негативных последствий, лежащих в основе запрета на усыновление.

4.7. Таким образом, Конституционный Суд отмечает, что с точки зрения наилучших интересов ребенка беспокойство вызывает обусловленный максимальным порогом разницы в возрасте запрет, установленный оспариваемой нормой, поскольку он лишает суды возможности оценить также положительное влияние такого усыновления в отношении наилучших интересов ребенка, а также возможности рассеять опасения по поводу негативного воздействия посредством всестороннего анализа обстоятельств дела, лишая государство также возможности эффективного осуществления своих отрицательных (негативных) и положительных (позитивных) обязательств в свете права, установленного частью 2 статьи 37 Конституции.

В этом контексте Конституционный Суд считает важным обратиться к вопросу о том, какие критерии и стандарты доказывания должны применяться судами, чтобы посредством придания прямого применения части 2 статьи 37 Конституции сделать исключение из исходящего из правомерных целей законодательно установленного оспариваемым положением запрета.

Конституционный Суд аргументирует, что в вышеизложенных позициях Конституционного Суда и соответствующих международных специализированных структур закреплены критерии и стандарты, посредством стабильного и предсказуемого применения которых в судебной практике можно будет разумно обеспечить, чтобы обусловленное интересами ребенка усмотрение касательно исключения из установленного оспариваемой нормой запрета не привело бы к произволу со стороны правоприменителя. В частности, в каждом случае подлежащие обязательному исполнению требования следующие:

а) установленный оспариваемой нормой запрет является вытекающей из научно обоснованных выводов презумпцией, согласно которой, как правило, наилучшие интересы ребенка требуют, чтобы максимальная разница в возрасте между усыновителем и

усыновляемым не превышала 50 лет. Из этого следует, что эту презумпцию можно опровергнуть: 1) **в исключительных случаях**; 2) решением, вынесенным в результате **полного, всестороннего и объективного исследования** всех обстоятельств конкретного дела и 3) **решением**, специально обосновывающим исключительность обстоятельств данного конкретного дела, то есть **аргументирующим** рассеивание всех разумных опасений законодателя, лежащих в основе запрета. Иными словами, если для правила (запрета) требуется просто наличие фактической основы применения этого правила (разница в 50 лет), то для того чтобы сделать исключение из правила, необходимо, чтобы сделанное из него исключение было мотивировано особым образом;

б) обязанность развеять в судебном акте все опасения, вытекающие из представленных в предыдущем пункте гарантий, подразумевает, что суд должен считать доказанным, что **отсутствует угроза наступления всех тех негативных последствий**, которую законодатель усмотрел в качестве основания для установления указанного запрета, **а также** что в результате исключения, с точки зрения наилучших интересов ребенка, **в то же время имеется разумная перспектива наступления положительного воздействия и/или последствий**;

в) выводы Суда об отсутствии или наличии разумной перспективы вышеупомянутого отрицательного или положительного воздействия и/или последствий должны быть подтверждены совокупностью фактов, взаимодополняющих и **исключающих** противоположное **вне всякого разумного сомнения**.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь частью 1 статьи 167, пунктом 1 статьи 168, частью 4 статьи 169, частями 1 и 2 статьи 170 Конституции, а также статьями 63, 64 и 71 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ**:

1. Признать часть 1 статьи 117 Семейного кодекса Республики Армения противоречащей части 2 статьи 37 Конституции и недействительной в той части, где, устанавливая запрет на усыновление, обусловленный максимальной разницей в возрасте между лицом, не имеющим преимущественное право на усыновление, и усыновляемым, она не предусматривает никаких исключений из этого запрета, лишая правоприменителей

возможности учитывать все обстоятельства по каждому конкретному делу, а именно наилучшие интересы ребенка.

2. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

А. ДИЛАНЯН

14 января 2025 года

ПКС-1766

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения